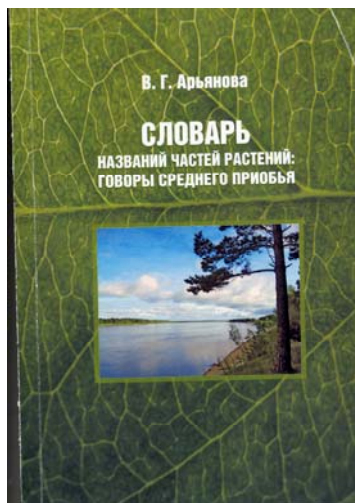

РЕЦЕНЗИИ

Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. – 246 с.

Словарь является полным диалектным толковым словарем, включающим все зафиксированные в 80–90-е гг. XX – начала XXI в. названия частей растений среднеобских говоров. Он содержит около 500 словарных статей.

Предназначен для широкого круга читателей: лингвистов, учителей-словесников, краеведов, этнографов, историков – для всех интересующихся материальной и духовной культурой сельских жителей и любителей русского народного слова.

В 2006–2008 гг. среднеобский лексикографический проект, уже признанный одним из самых значительных в практике российской диалектной лексикографии, пополнился изданием, которое имело запоминающееся лицо. Это был 3-томный словарь фитонимов Среднего Приобья – итог многолетних экспедиций и средоточие научных интересов Валентины Григорьевны Арьяновой – яркого представителя Томской диалектологической школы. В 2011 г. вышел в свет новый лексикон, развивающий заявленную тематику: он описывает около 500 фитоморфонимов – названий частей растений, функционирующих в среднеобских старожильческих говорах. Оба словаря являются синхронными и полными по типу и включают наряду с собственно диалектными и диалектно-просторечными именами общерусские единицы.

Изначальная обращенность последней работы В.Г. Арьяновой к широкому кругу читателей предопределила наличие в ней очень хорошего справочного аппарата. Библиография состоит из 23 изданий разного уровня: от 12-томного фундаментального труда основателя университетского ботанического сада П.Н. Крылова «Флора Западной Сибири» (1927–1964) до непритязательных современных справочников по комнатному цветоводству. В словаре В.Г. Арьяновой помещен также перечень ботанических терминов, использующихся в

дефинициях (С. 31–34), куда вошли не только заимствования (например, *кладодии, спорангий, эпидермис*), но и русскоязычная по происхождению терминология (*обёртка, прилистники, кроющие листья, цветоложе*), которая, несмотря на прозрачность ее внутренней формы, не всегда известна учителям-словесникам, краеведам, этнографам, историкам – тем, кто интересуется духовной и материальной культурой, сложившейся у старожилов Среднего Приобья, и сельской жизнью в этом регионе России. Еще большую практическую ценность для читателей имеет раздел «Краткие сведения о морфологии растений в рисунках» (С. 19–29). Адекватность ботанической составляющей словаря обеспечена консультациями сотрудников университетского Гербария им. П.Н. Крылова и кафедр биологического института ТГУ. Что же касается полноты и тщательности лингвистического описания собранного материала, то эти качества всегда отличали работы В.Г. Арьяновой. Отметим, например, что любого диалектолога, знакомого с полевой работой, впечатлит даже список 359 среднеобских сел и деревень, где велись записи информантов.

Увечивающий труды не одного экспедиционного сезона, словарь не ограничен скудостью и банальностью имеющихся в распоряжении автора материалов. Напротив, В.Г. Арьянова щедро размещает в вокабулах не просто иллюстрации, а связные тексты – относительно целостные рассказы диалектоносителей. К сожалению, в большинстве отечественных лексиконов они по разным причинам подвергаются сокращению, и в результате иллюстрации, в целом вполне насыщенные информативно, остаются фрагментарными, снижая эвристический потенциал изданий.

Позволим себе продемонстрировать избранный автором принцип подачи материала тремя примерами. Первый представляет собой часть (!) иллюстративной зоны словарной статьи на 1-е значение полисеманта *букет* ‘совокупность цветков, собранных в виде кисти, зонтика, метелки и т.д.; соцветие’. Для иллюстрации толкуемой единицы цитируемый ниже контекст оказывается избыточным (что, безусловно, ясно такому опытному лексикографу, как В.Г. Арьянова), однако он сохранен как яркий образец народной-речевой культуры: *Брусничник нарываем, ягоды, черничник... Я думаю, сколько теперь жить осталось. Годов-то много, семьдесят семь... Это, знаете, у нас дедушка тут живёт, ему счас девяносто два года. Он*

дрова колет, швыряет снег, даже я так не могу, как он. Девяносто два года. Вот сидим у него как-то на дне рождения: «Ну, ладно, дядя Ваня, давай! Здоровья тебе, до ста лет тебе дожить!» А он сидел [и сказал]: «До сто пять»... Пижма растёт вдоль дорог. Её столько много растёт, она цветом жёлтая. У неё такие, как пуговки, жёлтенькие. Вот такой вот букет, их много на одном стволе, там две-три может быть. И они так большими растут зарослями целыми, подряд идёт вдоль дорог. Вот будете ехать, вы её потом увидите. Жёлтая такая. Запах у неё такой хороший, приятный. Ну, вот у кого печень больная, вроде бы её. Её осторожно надо пить. Можно же хуже сделать. Она, в принципе, горькая, да. Зверобой тоже растёт вдоль дорог. Жёлтенький такой, я тебе покажу, тоже у нас где-то висит. А зверобой почему название произошло, вроде зверя бьёт. Дело в том, что он ядовитый, зверобой. И причём коровы одна масть... Вот если чёрная корова, пёстрая, а вот корова красной масти. Вот эта корова, если съест, погибнет. Для какой-то масти только она ядовита, не для всех. Обычно, вот скоро мы на полях, я знаю, коровы пасутся, всю траву съедают, – зверобой остаётся. Они его сами не едят как бы. (Этот текст был записан в с. Рыбалово Томского р-на Томской обл.).

Следующий текст также является только фрагментом иллюстративного материала статьи **почка**: А вот чем лечила нас мать, так это было одно лекарство. Весной, когда дрова заготавливали, заготавливали вот эти почки берёзовы и сушили. И стоило заболеть нам, стоило где-нибудь порезать что-то, эти почки она настаивала ещё и на водке. Если порезал там или что-то загноилось где-то, то вот этим вот примачивали, примочку делали этим раствором берёзовым. Так что лечили-то всё почками берёзовыми, они очень лечебные ото всего: и от печени, и от желудка, и от кишечника. Буквально всё лечили вот этой почкой. А вот уже, наверно, лет шість тому назад, в то время, когда мне операция была, я вижу во сне. Мамкин... он дядя, у него была дочка со мной ровесница, подружка моя, я у них часто была, – дядька Савелий... Вижу во сне, что приходит... да, я у них будто сижу, и он выходит вот так вот из-за печки (русска печка была большая) и выносит веничек такой сантиметров 50, такой вот длины. Тонкие веточки берёзовые нарезанные, завязаны, как в веничек, и берёт штук 5 этих веточек, мне показыват и говорит: «Катя, ты заготовь». Там были почки, лис-

тиков не было, был голичок [веник] с почками только. Вот и говорит: «Заготовь, бери вот столько, заваривай каждый день». И повторил, главно: «Каждый день и пей, и ты будешь здоровая». И как раз я в это время забдывала. И я пришла к Марь Ванне, рассказала сон. Она говорит: «Я Алексея Иваныча пошлю заготовить». Она послала его, а я и забыла про эти почки, про всё это и не заготовила весной, а уже осенью, когда я уже заболела, пошла к Марь Ванне и говорю: «Помнишь, я тебе рассказывала сон?» Она говорит: «Алексей заготовил». Пошла принесла мне веник большой, дала, и я заваривала. И я теперь до сих пор заготавливаю эти веточки весной, завариваю и пью. И в самом деле, главное – кишечнику легче. Прямо веточку ломаю и в термос кипятком заливаю, вместе с веточками вот эти почки. (Запись сделана в с. Березкино Томского р-на Томской обл.).

В самой, пожалуй, объемной вокабуле **ягода** (**ягоды**) первый ЛСВ ‘небольшой сочный плод травянистых растений и кустарников’ представлен 38 контекстами (с. 234–240). Приведем отрывок из 15-го контекста: Ну потом черёмуха поспеет. В своей деревне край реки мальчишки залезут на куст, пригнут, и едим. Домой много приносили, сушили её, потом мололи жерновыми да пироги пекли. Теперь вот нигде жерновов и не видно, и не смелешь как надо. Настой зимой заваривали из черёмухи. Весной весь край речки, бывало, белёхонек. Деревня-то маленькая была у нас, а вечером запах стоит на всю деревню. А малину у нас только на покосе собирали. Это да-лёко было, поэтому мало её было. Деревня-то наша в лесу стояла. В те времена варенье мало варили. И давали только больным. Я своему-то внуку рассказываю, что зимой вот и думаешь: «Хоть бы заболеть, маленько варенья дадут». Он спрашивает: «Чё, правда?» – «Правда», – говорю. А так [обычно] сушили её, положат на лист от подсолнуха, ещё маленько разомнут и в русску печь, в вольный дух. Высохнет, края листьев обломают, получается круглая лепёшка. Складывали в мешочек и так держали зимой. [...] Ещё у нас край речки боярки было много. Вот мы осенью пошли с ребятами, а все босиком ведь ходили. А ствол у ней крепкий, не согнуть. Наверху така крупна ягода. Все отошли, а я решила на дерево влезть. Стала на сучок, а шип-то мне прямо в подошву около пальца впился. Я дёрнула ногу и от боли вниз свалилась. Добро хоть низко было. Пришла домой, ничё не сказала. Росли-то мы с сестрой без родителей, с де-

душкой и бабушкой. Строго было, побаивались. Ну и вроде бы поболела нога, да и всё. А на зимни каникулы заболела у меня нога и начала нарываться. Тут уже фельдшер был. Нарвала моя нога, опасной бритвой он мне разрезал её – и всё, я ничего не помню, голова откинулась. Пока она чистила там всё. Все каникулы я пролежала. А потом уже, когда нога поджила маленько, я бабушке-то и созналась. Она говорит: «Чё не сказала?» – «Боялась, – говорю, – заругаешь». (Запись информанта из д. Саровка Колпашевского р-на Томской обл.)

Сегодня не станет откровением мысль, что лингвистические словари, имея двухуровневое строение – теоретическую (исследовательскую) и эмпирическую (иллюстративную) части, – нечасто демонстрируют их равноценность. Издания, которые предъявляют обществу лексикографов новый тип словарной статьи, новую гипотезу, новые принципы и приемы словаростроения, не всегда помещают хороший или даже просто объемный иллюстративный материал. Напротив, ряд диалектных толковых словарей, которые, в силу классической целевой направленности, реализуют основательно отработанную модель отбора и семантизации единиц, вводят в научный оборот бесценный материал живой современной диалектной речи. И его значение может выходить далеко за горизонты задач, поставленных перед собой автором, поскольку на современном этапе развития российской диалектологии едва ли не решающую роль играют аутентичные тексты, с которыми может работать не только коллектив исследователей, имеющих доступ к тому или иному региональному архиву. Нет сомнений в том, что значительный импульс для своего развития отечественная диалектология получит после создания диалектных корпусов (или хотя бы публикации массивов первичных необработанных текстов), лингвистического картографирования большей части территорий, на которых функционируют говоры, – но все это планы на будущее.

В обозначенном аспекте работа В.Г. Арьяновой воплощает второй тип словарей. Толкования фитоморфонимов строятся на минимальном наборе семантических компонентов, способных охарактеризовать существенные свойства денотата, т.е. реализован побеждающий в современной диалектной лексикографии принцип сочетания краткой дефиниции и развернутой иллюстрации. Несмотря на строгое ограничение тематики, тексты словаря могут стать источни-

ковой базой для разных направлений языкознания. Среди них изучение народной речевой культуры, дискурсивный анализ, теория речевых жанров. О последнем скажем подробнее. В вокабулах словаря фитоморфонимов встречаются и биографические тексты – воспоминания о трагических событиях минувшей эпохи (статья **картошка**: *Когда началась коллективизация, весь народ стал бежать из деревни [...]. И пошло по деревне воровство: то окно выставят, то в погреб залезут [...]. А утром-то тётка Настасья пошла к себе домой корову доить и прибегает вся в слезах: её всю обокрали. Хлеб был дома испечённый – в дом залезли, из погреба картошку всю утащили и поросёнка – у ей единственный был. Ну, что же, поплакали мы, погоревали. Говорю я: «Не плачь, Настасья, как-нибудь вместе проживём, у меня хозяйство цело»* (с. Чердаты Зырянского р-на Томской обл.), и деревенские анекдоты (статья **корень**: *Трава така на лугах растёт, высока, как гармошка [листья]. Её раньше копали, корень сушили. Светёт она немного. По-чалдонски [постарожильчески] её кукольник называют. Как её накопишь, а куры поклюют, так сразудохнут. Вот я историю расскажу, как у одной бабы мужик пил, а ей сказали: «Светочек высуши и капни». Вот так она и сделала. Пошёл он похмеляться, хлебнул, а крынку-то сразу выронил, упал, стал кричать: «Караул!» Люди прибежали, в больницу его отправили, а она не знает, куда чайник девать. вылила в корыто во дворе, а бык у них был, так он выпил, упал и сдох. Мужiku-то в больнице желудок промыли, так и живой остался, а бык сдох. Вот так у неё муж и перестал самогонку хлестать* (с. Мохово Яшкинского р-на Кемеровской обл.), и классические фольклорные былички о «знатоках», с чьими магическими действиями случайно сталкиваются посвященные односельчане (статья **килы**: *Соседка моя говорила, что у них тоже ведьма была. Сено косили, смотрят, а эта баба на граблях чё только ни делает! И кувыркается, и кувыркается. Сели обедать. Она подошла. «Воды, – спрашивает, – нет? Я мало с собой взяла да всю выпила». – «Есть, – говорят, – садись, посиди... Скажи нам, чё ты делала – на граблях прыгала». – «Ладно, – говорит, – вам скажу. Я пускала килы, их надо выпустить, не то заболелю и умереть могу». – «Так куда ты их пускала?» – «А на лес пускала». Шишки на берёзах – это и есть килы* (д. Вороновка Шегарского р-на Томской обл.), и еще целый ряд жанров, характерных для диалектного дискурса.

Если отступить от тезиса о самоценности эмпирической компоненты словаря фитоморфонимов и перейти к компоненте теоретической, то главное достоинство этого лексикографического труда – его удачная вписанность в проблематику современной лингвистики. Как известно, с 1950-х гг. в рамках западной антропологии начал развиваться ряд направлений – «этнонаука», «этносемантика», «народная таксономия». Спустя несколько десятилетий и в отечественном языкознании получили институализацию в чем-то сходные дисциплины – этнолингвистика, лингвокультурология, диалектная лингвокультурология, этнодиалектология и т.д.

При этом очевидно, что на определенном этапе развития они должны реализовать полученное новое знание в обобщающей и систематизирующей форме лексикографического продукта. Ведь словаростроение, будучи отдельной областью многоликой современной лингвистики, неразрывно связано с общим уровнем теории, являясь одновременно и ее продуктом, и фундаментом для ее дальнейшей разработки.

Имеющиеся на сей момент словари, которые позиционированы авторами как этнолингвистические (например, «Этнолингвистический словарь славянских древностей». Т. 1–5 (1995–2012), «Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря» (2001), лингвокультурологические («Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» (2004) и этнодиалектные («Рязанская традиционная культура первой половина XX в. Шацкий этнодиалектный словарь» (2001), «Полесская календарная терминология» (2005), а также анонсируемые лексикографические проекты подобного типа [1], – эти словари, несмотря на разный масштаб (от макроареального панславянского до микроареального) и фиксацию диалектного или общенационального материала, предпочитают описывать единицы с явной культурной нагруженностью.

Трактовать ее можно по-разному, и фиксируемые подобными словарями элементы национальной культуры даже на собственно языковом уровне оказываются чрезвычайно пестрыми. Независимо от статуса, который присвоен (лексикографируемым элементам имена «культурных знаков», имена «концептов» или же лексемы «с дополнительными культурными коннотациями»), список их открыт и почти не верифицируем. При этом в поле внимания лексикографов, описывающих традиционную крестьянскую культуру и коррес-

пондирующий диалектный материал, чаще всего попадают древние божества и низшие демонологические персонажи, обрядовые реалии, связанные с магическими практиками артефакты, представители флоры и фауны, а также аксиологически нагруженные периоды суточных и годовых циклов.

Существует и другой путь к объективации лингвокультурной ментальности, строже отсекающий субъективные оценки исследователя. Этот метод А.С. Герд называет моделированием картины мира, понимаемой как континуум «семантических полей, классов слов и отношений между ними» [2. С. 59–60]. С данной точки зрения задача этнолингвистики – построить максимально полную лексическую систему определенных наименований при помощи ряда инструментов: логико-понятийных моделей объекта, рубрикаторов, дескриптивных словарей тезаурусов, классификационных ассоциативных графов, таксономий, парадигм, деревьев. Однако и на этом пути имеются свои «узкие места» – прежде всего это источниковая база.

В качестве лингвистических источников для подобного анализа выступают диалектные тексты, словари, атласы, специальные исследования. О доступности аутентичных текстов уже сказано выше, а традиционные толковые диалектные лексиконы (которые к тому же чаще всего исключают общерусский материал) не слишком удобны для извлечения данных, которые «тонут» в объемном массиве лексем, структурированном лишь алфавитным порядком подачи. Тематически выстроенных диалектных словарей не так уж и много.

Рецензируемый словарь ограничивает описываемый материал строгими и однозначными рамками одной тематической группы. Это сразу выявляет принципиально важные факты: многие из фиксируемых лексем оказываются диалектными ЛСВ общерусских слов, высок процент фитоморфонимов-полисемантов. Между тем сегментация и детализация понятий, гипо-гиперонимия, полисемия как способ упорядочивания информации о мире напрямую вскрывают характер мышления локальной этнической группы – старожилородного населения Сибири. Сопоставление «народного» знания с обезличенным и унифицированным знанием «научным», как известно, выявляет не столько устройство языка, сколько устройство национально-го видения мира.

Таким образом, словарь среднеобских фитоморфонимов, который претендует только на роль «диалектного толкового словаря»,

фиксирует лишённые на первый взгляд «нетривиальных презумпций» единицы, не связанные явно с народной культурой, как она трактуется в «общих местах» многих современных работ, не эксплицирует ни моральные ценности этноса, ни особо значимые или уникальные русские понятия, – словарь В.Г. Арьяновой все же оказывается действенным инструментом для дальнейшего изучения фактов языка в их взаимосвязи с фактами культуры и эмпирической базой для разных направлений современной диалектологии.

Литература

1. Банкова Т.Б. «Словарь сибирского обряда»: к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 22–34.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 457 с.

Г.В. Калиткина,
д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка
Томского государственного университета
E-mail: dasty2@yandex.ru